

Нина Карцивадзе¹

МОИ ЗАПИСКИ²

О семье

Мой прадед Константин Мильман и прабабушка (в девичестве Желонтовская) жили в городе Каргополь Олонецкой губернии (ныне Архангельской области), были записаны русскими. Я не знаю, были они детьми ссыльных поляков или сиротами из Польши, которых поселили в Олонецкой губернии. Мой прадед был фельдшером. Он шёл домой после посещения больного, был сбит тройкой, замёрз. Прабабушка после гибели мужа переехала с детьми из Каргополя в Петербург, где определила детей учиться мастерству. Старшая Мария поступила в белошвейную мастерскую, Елена — в мастерскую верхнего платья, Наталья — в шляпную. Ольга (моя бабушка Оля) с шести лет работала в мастерской, где вязали чулки. Сын Александр поступил на телефонную станцию, его последняя работа электрик на Кировском заводе. Ольга вышла замуж за Юстуса Висселя. Венчание было в Свято-Троицком Измайловском соборе во Имя Святой Живоначальной Троицы Лейб-гвардии Измайловского полка. Дети протестанта

Ольга Константиновна
Виссель — моя
бабушка

¹ Карцивадзе Нина Аристарховна родилась в Ленинграде, пережила блокаду с 1941–42 гг., была эвакуирована в Пятигорск, затем в Самарканд и Куйбышевскую область. После возвращения в Ленинград в 1944 г. училась в 47-й школе, затем окончила химико-технологический факультет Института киноинженеров. Работала в научно-исследовательских институтах, участвовала в работах по новому инструментальному методу химического анализа — газо-жидкостной хроматографии. Живёт в Санкт-Петербурге.

² Написано 2 октября 2020 г.

Юстуса и православной Ольги по закону Российской империи были крещены по православному обряду и записаны русскими. Юстус Богданович Виссель окончил фармацевтический факультет университета в г. Юрьеве (теперь г. Тарту). В аптеке своего отца он работал с 14-ти лет, учился на деньги, завещанные на образование, позже наличие диплома позволяло открыть аптеку на его имя. Он работал по найму у разных хозяев, в аптеке на Невском проспекте (в угловом доме на Фонтанке), в аптеке на Знаменской улице (теперь ул. Восстания) и других.

У Ольги Константиновны и Юстуса Богдановича было четыре (?) дочери: Екатерина, Ольга и Елена — мои тётки и моя мама Мария. Екатерина после гимназии и окончания физико-математического отделения Бестужевских курсов занялась

ликвидацией неграмотности взрослых. Её букварь «Будем учиться» выдержал 23 переиздания. Ольга работала контрольным мастером на заводе. Елена стала работать на заводе «Светлана»³, потом в радиотехнической лаборатории на Лопухинской улице (теперь ул. Академика Павлова), где была проведена первая опытная телевизионная передача. В 1942–44 годах участвовала в настройке сверхмощной правительственной приёмо-передающей радиостанции им. А.С. Попова в Куйбышевской области. Вернувшись из эвакуации, Елена работала на радиозаводе. Моя мама Мария Юстусовна окончила гимназию в 1917 году. Она успешно

Слева направо сидят: Ольга Константиновна Виссель (бабушка Нины) и её сёстры — Мария Константиновна Пронашко (бабушка Маня) и Наталья Константиновна (бабушка Таля) — в замужестве Иванова (стоит). Нина с пупсом (сидит на диване), на полу — троюродный брат Эдик. Ленинград, 1940-й год

³ Фирма основана в 1889 году Яковом Айвазом как мастерская по изготовлению папиросных гильз. В 1914 году акционерным обществом «Я.М. Айваз» начат выпуск первых в России электроламп, от аббревиатуры которых — СВЕТОВЫЕ ЛАМПЫ НАКАЛИВАНИЯ — появилось название завода. *Прим. ред.*

Справа налево: стоят Мария Юстусовна (мама Нины), Ирина Денисова — двоюродная сестра мамы, Екатерина Юстусовна Виссель — тётя Катя, Елена Юстусовна Виссель — тётя Лена. Сидят — Ольга Юстусовна Виссель — тётя Оля, Нина, Новикова Александра Дмитриевна (Шурёнок), Эдик, сидит на полу троюродная сестра Нины Люся.
Ленинград, 1940-й год

прошла собеседование для поступления на биологический факультет, но нужно было идти работать. Мама работала в статистическом управлении Смольного, потом в Плановом институте на кафедре статистики и бухгалтерского учёта.

Начало. 1941 год. Первый день войны

Выходной день 22 июня запомнился во всех деталях. Рано встали, всё для поездки за грибами было приготовлено заранее с вечера. Утро обещало великолепный солнечный день. Мама, её сестра Елена (Лена) и я поехали на Карельский перешеек в Репино.

Места эти мама знала очень хорошо, её родители проводили там летние месяцы с детьми. Дед ездил на работу в город, а осенью они снова снимали квартиру. Так было дешевле. Грибы искать нам не пришлось, они росли даже на дорожке в колеях, которые были выбиты лёгкими двухколёсными финскими тележками. Быстро заполнили все корзинки. В небе было непривычно много самолётов. Вернулись в город. Было ещё очень светло. На Финляндском вокзале и в трамвае нас насторожила подавленность встречающих. А мы за день устали, поэтому из толпы не выделялись. Дома нас ждали моя бабушка Оля, её старшая сестра бабушка Маня, тётя Катя, тётя Оля и Шурёнок (Александра Дмитриевна Новикова). Тётя Оля и Шура подруги, они вместе работают на заводе контрольными мастерами. Бабушку Олю Шурёнок зовёт мамочкой. Бабушки приготовили картофельные котлеты к нашему возвращению. Мы быстро вычистили грибы (молодые маслята), а бабушки приготовили грибную селянку.

Пришла тётя Катя, мир перевернулся, когда она сказала нам, что началась война. Мои любимые котлеты с замечательной грибной селянкой не глотались. Словно все чувствовали, через какие потери и испытания мы пройдем.

Первые месяцы войны запомнились хлопотами по наклеиванию на стёкла окон полосок бумаги, устройству светомаскировки. Штору из плотной чёрной бумаги повесили на окно кухни. Если была щёлка, на улицу пробивался свет, то дежурный с улицы кричал, что в кв. 39 нарушена светомаскировка. Взрослые и дети учились быстро натягивать маску противогаза. В сумку противогаза в маленькие кармашки

дети прятали очень нужные мелкие предметы. Чердаки засыпали песком, дерево на чердаках промазали специальным раствором для предотвращения пожаров. Поставили бочки с водой и с песком, приготовили щипцы для зажигалок. Надо было очень быстро щипцами схватить зажигательную бомбу, засунуть её в бочку с песком. Приёмам борьбы с зажигалками училась дружина (взрослые и подростки).

Дружина дома устроила во дворе учения. Мама не пустила меня во двор. Мне удалось надеть пальтишко и незаметно улизнуть из квартиры. Все окна на площадках чёрной лестницы были высоко, кроме очень маленького окна на площадке выше пятого этажа, там окно низко. До сих пор я не знаю, как меня заметили. Мама взлетела по лестнице, схватила меня за ноги, вытащила из окошка. Ругала не очень. Рада была, что из окна я не выпала. Я не собиралась вываливаться. Но я так и не узнала, зачем они разбили во время учений очень большую бутылку с чернилами. Фиолетовое пятно долго было на асфальте. Вот так готовились к обороне жители мирного дома 76–78 по Большому проспекту Петроградской стороны.

Нина с мамой Марией Юстусовной
Виссель. 1941 г.

Дом, в котором мы жили, имел три адреса: Большой проспект 76–78, Бармалеева улица дом 5, Плуталова улица дом 25. В этом доме жил его создатель архитектор Г.Д. Гримм (1865–23.03.1942 гг.) Он рассказал, как устроен дом, где надо укрываться во время бомбёжек. Между наружных стен этого дома есть ещё две очень толстые стены — дымоходы. В прихожей между ними нам и надо быть во время вражеского налёта. Тогда нас может погубить только прямое попадание бомбы. Мы жили на первом этаже. Пока были силы, к нам во время бомбёжек спускались жители верхних этажей. Старый архитектор знал, что от сотрясений дверь подвала может заклинить, а водопроводные трубы лопнут. Бомбоубежище в подвале становится смертельной ловушкой.

Мама была на земляных работах под Лугой. Их бомбили. Рядом с мамой осколком убило женщину. Прилетали немецкие разведывательные самолёты, сбрасывали листовки. Вернулась она очень измученная, а теперь надо было рыть траншеи около Планового института, т. к. в общежитии института устроили госпиталь. Мама работала в Плановом институте. Траншеи выкопали напротив института, на другой стороне Чкаловского проспекта.

Моя первая «эвакуация»

Началась эвакуация детей из города. Детей отправляли без родителей. Тётя Катя работала в РОНО Приморского района. Она знала о неразберихе при отправке детей, а может, и о бомбёжках этих эшелонов. В город приехала Таня Степанова, она хорошо знала тётю Катю. Решено было отправить меня подальше от войны. Так я попала к нашим друзьям Степановым — школьным работникам в деревню Клинково, в 12 км от станции Будогощь. Это станция за станцией Мга.

В деревне было интересно. Первый раз я видела, как ловят неводом рыбу, как достают из улья соты с мёдом. У Степановых два сына. Я старше, но этих шалунов забавляет, что я ничего не знаю о деревенской жизни. Действительно, обмануть меня было легко. К восторгу мальчиков я поверила («купилась»), что надо спасать гусят от коршуна. Коршуна не было. Подговорили меня проверить остроту зуба щуки. Щука меня укусила.

Степановы готовили школу к учебному году, а мы (дети) всё время проводили на речке. В этот день, как всегда, мы безмятежно резвились около воды, но наше веселье было прервано неожиданным приходом мамы и тёти Лены. Они увели меня с речки. Очень быстро, не заходя в деревню, не останавливаясь, мы почти бежали

на станцию. Уже много лет спустя я узнала, что утром во дворе завода военпред остановил тётю Лену, сразу предупредил, что он её не видел, ничего ей не говорил, но он знает, где её племянница, надо привезти её в город сегодня, а не завтра. Распространять панические слухи нельзя. Он знал о стремительном наступлении врага, замыкавшего кольцо блокады вокруг нашего города. Меня успели увести из Клинково, в деревне осталась моя метрика и все припасы, что со мной были. Это немного помогло Степановым, ведь им пришлось уйти в лес, пока в деревне были немцы.

Вот письмо из Ленинграда от 16.4.42 г. «Таня (Степанова) прислала письмо, оказывается, у них два месяца хозяйничали немцы. От страха они бежали в лес, и в лесу в конце октября Таня родила девочку Нину. Сильная женщина. Мальчики просят сообщить Ниночке, что немцы всех гусей и кур съели». А на моей метрике появилась фамилия Степанова (над моей фамилии). Малышку назвали Нина, она не выжила. Моя метрика вернулась ко мне в 1944 году. При получении паспорта я сказала, что метрика потеряна. Продолжу рассказ о нашем удивительном путешествии.

В Будогощь пришли усталые. Было жарко, ярко светило солнце. За то время, что мама и тётя прошли 24 километра — от станции до деревни и обратно, — появились воронки около станции. Спасибо человеку в красной фуражке — дежурному или начальнику станции, — он указал каждой воронку; мы терпеливо ждали поезд, каждая в своей воронке. Прилетел немецкий самолёт. Лётчик стрелял между воронками, издевался, пугал. Видна была его голова в лётном шлеме, а он видел нас. Пули вонзались в землю, поднимая облачка пыли. Мой первый страх — обстрел на открытом месте. Были оглушены, но не оглохли. Старались уши заткнуть. Самолёт улетел. «Красная фуражка» иногда подходил к нам и говорил, что поезд будет обязательно, что он нас отправит, у него есть что прицепить, если мест не будет в поезде. Поезд пришёл в сумерках. Перед паровозом были две платформы: на одной гравий и песок, а на другой шпалы, рельсы и рабочие-путейцы. Вагон был набит. Я спала стоя, меня держали за плечи, упасть было некуда. Рано утром поезд пришёл на Московский вокзал. Город встретил нас солнцем, утренней прохладой, спокойным величелием Невского проспекта. Только мы уже знали — происходит страшное. Прямо с вокзала тётя Лена поехала на работу. Мама завезла меня домой и тоже пошла на работу в Плановый институт.

Замыкалось кольцо блокады вокруг нашего города. Город заметно опустел. Во дворе я была одна, других детей не было. У меня

новая игрушка — крошечный из двух половинок глобус, он помещается в ладони. Земля в ладошке, а ведь она очень большая. Зачем, зачем война? Этот вопрос в моей детской голове, а я уже понимаю, что нет разумного ответа безумию войны.

Началась жизнь в осаждённом городе

Занятия в школе уже начались. Решили меня не отправлять в первый класс. В следующем году (1942) я должна буду поступить во второй класс. Читать, писать, считать умела, знала таблицу умножения. Я росла среди взрослых под присмотром двух бабушек. Бабушка Оля хозяйничала на кухне, а меня пестовала бабушка Маня. Она возила коляску в Матвеевский садик, шила мне удобную и красивую одежду, читала мне первые детские книжки. Буквы я знала. Бабушка однажды пропустила несколько страничек сказки А.С. Пушкина, и вот тут вскрылось, что читать я могу сама. Я сразу сказала, что здесь другое написано. Бабушка ушла заниматься хозяйством, а мне выписали журнал «Мурзилка». Мама очень много работала, только по выходным дням мы ходили гулять на берег Невки за Ботанический сад. Там не было набережной, не было проезда. На пологом берегу лежали старые баржи. Можно удобно посидеть, поглядеть на реку, на заводские здания на другом берегу. Была я с мамой и на Каменном острове. С детства помню старый дуб, окружённый оградой, — говорили, Пётр посадил. Война лишила нас прогулок, игр на улице. Мы узнали сигнал воздушной тревоги, с нетерпением ждали сигнал отбоя. Взрослые были заняты, у всех появились обязанности, война требовала дисциплины и мобилизации всех сил для обороны нашего города.

Как я писала выше, дом, где мы жили, имел три адреса. Окна кухни и небольшой комнаты рядом с кухней, где была колонка для подогрева воды и стояла ванна, выходили во двор. В эти два окна изредка заглядывало солнце. Окна трёх других комнат выходили на Плуталову улицу. Солнце туда не могло попасть, иногда солнечный свет отражался от стёкол дома напротив. Квартира была холодная, все двери комнат были открыты, температура во всей квартире была ровная. Дрова покупали в июле-августе. Нужно было иметь 18 кубометров сухих берёзовых дров. В июне 1941 года оставалось немного дров от прошлогодней покупки.

Пока не ввели карточную систему, в булочной продавали много разного хлеба (чёрного и белого). Мои бабушки сушили сухари. Они ещё с 1914 года хорошо знали, что война всегда несёт лише-

ния и голод. Булочная была на Большом проспекте (на нечётной стороне) напротив дома 76–78. Моими родными были осмотрены все шкафчики, переписаны все медикаменты. В коробочке нашли порошок глюкозы (две столовые ложки). Припасов не нашли, кроме остатков варенья прошлого года и небольшого количества сухарей. Рабочие карточки у тётки Оли, тётки Лены и Шурёнка, но она мобилизована и находится на казарменном положении. Мама и тётка Катя имели карточки служащих, бабушки — иждивенческие, а я детскую. Бабушки строго следили за потребляемым количеством кипятка, знали, что такое отёки. Они хорошо помнили голод в Петрограде, когда умер мой дед. Строго делили хлеб, не разрешали съесть весь хлеб сразу. Прекрасные хозяйки, они варили всё, что можно, всё, что было. Наши карточки были прикреплены к магазину на углу Плуталовой улицы и Большого проспекта. Мама ходила, занимала очередь. Номер очереди писали на руке чернильным карандашом. Очередь занимали с вечера, с ночными проверками. Был день, когда в булочную хлеб не привезли. При обстреле снарядом был повреждён водозабор хлебозавода на улице Барочной. Пока чинили водозабор, воду рабочие и дружинницы передавали по цепочке вёдрами, возили на санках. Воды надо было много, не успели испечь необходимое количество хлеба. Хлеб этого хлебозавода в мирное время был особенный. Я узнала его по аромату в 2014 году, когда привезли в магазин Красногвардейского района, где я тогда жила. А блокадный хлеб особенный. Я его надёжно накалывала на вилку с костяной ручкой и «ароматизировала» жаром печки. Откусывать надо немножко, жевать очень долго. Хлеб приобретал сладкий вкус. Если выдавали конфеты (кавказские), то их делили на несколько частей, каждому кусочек. Этот маленький кусочек резали на прозрачные ломтики, которые раскладывали на тончайшем кусочке хлеба, получался бутерброд к чашке кипятка — завтрак. Можно «посолить» сахарным песком (если есть несколько крупинок). Так можно почувствовать сладкий вкус.

С бабушкой Олей я ходила за хлебом до тех пор, пока мы не стали свидетелями ужасной сцены. Подросток выхватил досок хлеба у женщины, сразу упал, запихав хлеб в рот. Его били. После этого в булочной я не была. С нами зимовали в зиму 1941–1942 гг. два растения алоэ и «золотое дерево» (аукуба японская). Алоэ спасло тётку Катю. Врач велела употреблять как лекарство сочные горькие листья алоэ. В промёрзшем городе в апреле 1942 года не было другой зелени.

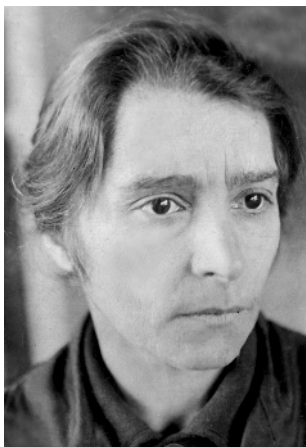
Голод, отсутствие витаминов. Я узнала новое слово — скорбут. Так называют цингу на севере. При такой дистрофии у меня за ушами трещины, сочится сукровица, затвердевает, корочки трескаются. Спать на боку невозможно. У мамы одиннадцать фурункулов на руках. Голод терзал нас всех, сводил с ума. Услышав об употреблении столярного клея в пищу, я сообщила взрослым, что под шкафчиком в кухне лежат плитки столярного клея. Клей употребили. Мне дать побоялись. Страшно было, когда голодные мама и тётя Лена, проходя мимо шкафчика, много раз искали клей под ним. Я понимала: голод сводит их с ума. На Сытном рынке меняли вещи на продукты. В выходной день мама и тётя Лена отправились менять. Вернулись с бруском (0,5 кг) сливочного масла. Бабушка Оля сразу велела разрезать брусок. Внутри была варёная картошка. Картошка была чистая. Прогрели и съели. После этого похода тётя Лена сообщила, что на рынке меняют котлеты на вещи. «Откуда в городе мясо!», — сказали бабушки, они запретили даже смотреть в сторону котлет на рынке. Вода из крана на кухне всегда была очень вкусной. К нам на первый этаж вода поступала ещё долго. Нас предупредили, что кран не надо закрывать, пусть течёт тонкая струйка. Жильцы верхних этажей приходили к нам за водой. Когда мороз сковал землю, замёрзла вода, бегущая по трубам под землёй, и этот источник иссяк. Теперь за водой ходили к ограде больницы им. Эрисмана (Медицинский институт). На углу улицы Льва Толстого и Петропавловской был выведен гидрант. Люк с гидрантом, кстати, существует и сейчас. По скользкой ледяной горке трудно было подползти к этому источнику, набрать воду, не расплескать и довезти до дома. Возили на детских саночках в вёдрах, кастрюлях, бидонах. Когда у нас появилась большая бочка, то все, кто был в силах (кроме бабушек), пошли за водой. Бочку заполнили, на саночках довели, но несколько ступенек лестницы стали препятствием. Пришлось вносить воду в кастрюлях, чайниках, заполнять самовары. С трудом втащили бочку в квартиру, поставили в углу кухни, сразу стало очень холодно. Больше с бочкой за водой не ездили. Привозили воду, наливали в бочку. Чистую воду из гидранта берегли, расходовали аккуратно. Вода из Карповки всегда считалась грязной, до Невы и Невки далеко, да и там вода несла тела тех, кто выше по течению реки штурмовал Неву, прорывая кольцо блокады. Во дворе открыли крышки сливных колодцев, нечистоты заполнили их, а потом во дворе стала расти грязная ледяная гора. Весной необходимо было сколоть и вывезти нечистоты. Мама работала во дворе. Я взяла

лом, но для голодного человека он был очень тяжёлым, а было мне 8 лет, справиться с этой работой мне было трудно. Рот мой был открыт. Мама увидела, как сверкают на солнце мелкие осколки грязного льда, прогнала меня. Она продолжила работу, завязав платком рот и нос. Вывозили эти глыбы машины с газогенераторами, которые потребляли маленькие полешки дров вместо бензина.

Бомбёжки начались рано, но, получив отпор нашей авиации, враги перешли к другой тактике. Подтащили артиллерию и стали обстреливать город. Бомбили и обстреливали госпитали и заводы. Даже, если дом не был разрушен прямым попаданием, то от сотрясений при взрывах нарушалась гидроизоляция подвалов, образовывались трещины. Вода заполняла подвалы, разрушая наши дома. Бомбили и обстреливали большой госпиталь в больнице им. Эрисмана, госпиталь в школе на углу Большого проспекта и площади Льва Толстого, госпиталь в общежитии Планового института, завод им. Макса Гельца (теперь Полиграфмаш), завод на ул. Скороходова (Большая Монетная), хлебозавод на улице Барочной, типографию «Печатный двор». Эти объекты враг старался уничтожить. Часто обстрелы начинались, когда происходила смена работающих на предприятиях.

Жителям Петроградской стороны запомнился варварский обстрел Сытного рынка в выходной день 21 декабря 1941 года. Площадь рынка — место обмена вещей на продукты, место скопления жителей. В этот день мама и тётя Лена пошли на рынок, но до рынка они ещё не дошли, когда начался обстрел рынка и прилегающих улиц. Сколько часов длился этот обстрел? — Вечность! Вся моя счастливая жизнь прошла перед моим внутренним взором. Я ходила по кухне, меня уговаривали присесть, но отвлечь меня от страшных мыслей никто не мог. Наконец, они вернулись. Оказывается, на Кронверкской улице (д. 10) их силой затолкал в подвал директор булочной. Они не попали на рынок, где было много жертв. В больницу им. Эрисмана привезли 72 раненых, как написала Вера Инбер в книге «Почти три года. Ленинградский дневник». На всю жизнь я запомнила ужас этих часов.

Однажды во время сильной бомбёжки мы собрались в прихожей. Ещё не было больших холодов, там поставили мою кровать, ночью я спала во время обстрелов или бомбёжки. На этот раз я читала, сидя на кровати. Грохота от падения бомбы я не слышала, а сильный поток воздуха со стороны Бармалеевой распахнул все двери. Распахнулась первая дверь, закрытая на кованый крюк, вторая, закрытая на дверной замок, тоже открылась. Открылись

Тётя Нины Ольга
Юстасовна Виссель

каждого окна бабушка Оля повесила иконки. Нас обошла беда — стёкла остались целы. Бомба разрушила угол дома 22 по Плуталовой, а в квартиру дома, напротив наших окон на Плуталову, в окно второго этажа, влетел снаряд, но не разорвался.

Тётя Лена работала на радиозаводе, тётя Оля на заводе, который стал называться Полиграфмаш. На фото с доски почёта времён блокады, где написано «лучший контрольный мастер», моя тётя Оля. Она очень берегла инструменты: микрометр и штангенциркуль. Носила всегда с собой. Тётя Оля работала в цехе, где делали пулемёты и миномёты. Это я узнала много позже. Шурёнок тоже контрольный мастер на другом заводе, она контролирует окраску приборов для военной техники. В дружину МПВО мобилизованы бабушка Оля и тётя Катя, бабушка всегда брала меня на дежурство в парадной, выходящей на Большой проспект. Это дежурство — чтобы посторонние не могли попасть в дом, на крышу дома. Мама в дружине Планового института, где госпиталь. Это Чкаловский проспект (Геслеровский) дом 46.

Сын нашей знакомой Г.М. Даниловой дежурил на крыше своего дома (угол ул. Ленина и Левашовского проспекта). Он увидел сигнальные ракеты — зелёные цепочки⁴ — над госпиталем (Плановым институтом), успел спуститься в штаб дружины, где был телефон, быстро приехала милиция. Подростка, совершившего диверсию, поймали. С немецкого самолёта были сброшены за-

дверь из кухни и дверь в прихожую. Меня сбросило с кровати. Открылись две двери на парадную лестницу в сторону Плуталовой улицы. Распахнулись шесть дверей!

Взрыва мы не услышали. К нам прибежала наша знакомая, она дежурила на крыше дома на чётной стороне Бармалеевой улицы. Никто не мог понять, куда упала бомба, устроившая такой мощный воздушный поток. Наблюдатели на соседних домах решили, что в наш дом. Мы были все целы, разрушений не было. В нашей квартире с четырьмя окнами на Плуталову улицу и двумя окнами во двор полоски бумаги были наклеены на стёкла. Около

⁴ Писатель Матвеев написал книжку «Зелёные цепочки».

жигательные бомбы (зажигалки), которые попали на крышу госпиталя. Начался пожар, который быстро потушили. Из задымления вывели и вынесли раненых. Мама запомнила, как выводила очень крупного мужчину. Мама небольшого роста взвалила его себе на спину, держала его руки, вывела его из задымления, а потом удивлялась, что смогла это сделать. Слово «стресс» стали употреблять позже. Просто делали всё, что было необходимо. Костя Данилов (Константин Петрович Данилов) с нетерпением ждал призыва в армию. Школу № 47 он окончил, но ему ещё не исполнилось 18-ти лет. Он защищал город в дружине МПВО.

В редкие свободные часы грелись у печки. Слушали радио. Пока приходили газеты, до прихода взрослых я успевала читать «Ленинградскую правду». Потом почтальон 136-го отделения связи приносил только письма, повестки. А радио связывало нас со всей страной. Было много интересных передач: последние известия, концерты, песни, выступления поэтов, писателей, для детей читали очень хорошие книги. Всё это прерывалось тревожными сообщениями о воздушной тревоге, а мы ждали сигнал «отбой воздушной тревоги». Пока было напряжение в электросети, каждый день проверяли показания электросчётчика, т. к. нельзя превышать лимит расхода электроэнергии. Из-за холода перебрались жить в кухню. Мне было определено жить в кресле-качалке, на кожаном диване устроилась бабушка Оля, а бабушка Маня на очень большом сундуке. Тётя Катя в самой холодной комнате, *но на своей кровати*. Тётя Лена в комнате около кухни. Где жили мама и тётя Оля, я не помню. В холодную часть квартиры я не ходила. Пока из крана бежала наша вкусная ленинградская вода, бабушки заставляли мыть руки и умываться ледяной водой. Руки я мыла под очень тонкой струйкой воды. Потом в большие холода протирали руки мокрым полотенцем. Вытерев руки и лицо, нужно согреть замёрзшие кисти рук. Я засовывала кисти в рукава, создавая «муфту». Утро начиналось с самовара. Надо было отправить на работу тётю Олю, тётю Лену, маму. Бабушка Маня кипятила самовар. В этом доме рядом с плитой в стене было круглое отверстие в дымоход для трубы самовара. Для самовара нужны небольшие щепки. Электричества не было, не было тогда ещё и электросамоваров. Самовар был большой, от него шло тепло. На работу уходили, попив горячего кипятка с кусочком хлеба. Плиту не топили, она требовала очень много дров. Пшённый «суп» варили на керосинке. Может быть, были остатки керосина, а о выдаче керосина населению я не помню, не знаю. К приходу, к возвращению наших, согревали помещение кухни, топили

в кухне замечательную печку. Это была стальная снаружи, а внутри выложенная кирпичами громадина в форме снаряда. Высота её около двух метров, говорили, что это снаряд 1914 года. При свете от печки тётя Катя читала книжку на французском языке и переводила для слушателей. Выбор книги она объясняла тем, что там нет описаний обедов. Это интересно взрослым, а у меня увлекательная книга о французском учёном Пастере «Враг под микроскопом» О. Кузнецовой. Другая книга очень «взрослая». Это переводная книга скандинавского учёного о возникновении, происхождении жизни на Земле. Я одолела эту книгу. Содержание книги подтвердило мою детскую уверенность, что нашествие варваров-нацистов закончится, они будут изгнаны, исчезнут, как исчезли древние хищные звери. В 1944 году меня ждало разочарование — автор книги оказался нацистом. Фамилию автора не могу, не хочу вспоминать, а содержание книги было очень интересное, запомнилось надолго. Читала я при свете коптилки. Корпус старого алюминиевого конденсатора я заполняла воском (парафином), фитиль скручивала из толстых ниток. У нас была старинная керосиновая лампа с большим резервуаром и маленькая керосиновая лампа — «летучая мышь». Большую лампу не зажигали, экономили керосин. В 1944–45 гг. при свете большой лампы я делала домашние уроки, если прерывалась подача электричества.

Во время блокады тётя Катя учила английский, зная немецкий, французский. Она уже могла переводить тёте Оле и бабушке Оле английские романы. Только я в то время была далеко. Подле печки пар при дыхании не был виден. Мы собирались около печки, если появлялось свободное время между тяжёлыми и непривычными, но необходимыми делами.

Подходил 1942 год. Я совсем не ожидала, что может быть ёлка. Но тётя Катя не собиралась сдавать позиции. Украсили большое «дерево» алоэ. Мама достала ёлочные игрушки из «тайного» места, а по обычаю на ёлку надо повесить и новые игрушки. Под Новый год всегда случаются чудеса. В декабре 1942 года тётя Катя купила 2 новые игрушки: чайник с кривым носиком и «волшебную» лампу (керосиновую). Решили, что это лампа Аладдина, много позже я видела древние масляные светильники, а это совсем другая лампа. Спасибо стеклодуву, который сделал эти игруш-

ки. Чудеса продолжились. В коробках с игрушками, которые мама достала с антресолей, нашли три хороших грецких ореха. Раскололи, разделили. В прежние годы на ёлку вешали красные яблоки, пряники, печенье, конфеты в красивых фантиках, орехи, завернутые в фольгу. Сейчас ничего нет, но появилась надежда на перелом в военных действиях, ведь врагов немного отогнали от Москвы. Холод, голод, а мы встречаем Новый год!

Судьбы

Война продолжалась, на Невский плацдарм («пяточок») ушёл Вася — муж двоюродной сестры моей мамы. Он очень высокий, когда он пришёл к нам прощаться, то бабушки горестно говорили потом, что для таких окопов не бывает. У его жены Иры родилась Леночка. Она пережила блокаду, войну. Очень давно не было никаких известий от крестницы бабушки Оли. Она жила близко на Гатчинской улице с двумя детьми. Муж на фронте. Бабушка вернулась с Гатчинской чёрная. Там все умерли. Они потеряли карточки. Муж посылал с сослуживцем, который регулярно приезжал в Ленинград через Ладожское озеро, посылки для них, а этот негодяй обманывал его, присваивая передачи. Правда в 1944 году вскрылась. Несчастный отец плакал у нас на кухне, рассказывая о подлости сослуживца.

Незаметно для меня произошла эвакуация тётки Лены. Её, как специалиста, увезли 8 марта, мы долго не знали куда. Мама попала в «стационар». Упала на работе в голодном обмороке. Один раз тётка Катя и я пошли навестить маму. Нам надо было пройти от Бармалеевой до начала Большого проспекта (до Тучкова моста). «Стационар» был в помещении платной поликлиники. Шли по тропинке через снега. Тётка Катя строго сказала: «Ты должна запомнить всё, что увидишь!». Я хорошо запомнила эту тропинку между высоких сугробов, витрины магазинов, «защитые» досками, вмёрзшие в лёд машины. Снег был чистый. Если на заводах и работали, то в цехах было холодно, цеха не отапливались. Я смотрела во все глаза, запоминала всё, старалась запомнить всё увиденное.

Мама была очень слаба, встать она не могла. Её койка стояла на повороте лестницы. Это было очень хорошее место рядом с горячей батареей парового (водяного) отопления. Я первый раз видела, что отопление не печное, а центральное. До этого я никогда не видела горячей батареи.

Враги пытались сломить сопротивление нашего города бомбёжками, обстрелами, голодом блокады. Росла ненависть к врагам.

Дорога жизни работала. В город по льду Ладожского озера шли машины с продовольствием, а из города вывозили ослабевших блокадников. Всё это зачастую под обстрелом. Директор сказал моей маме, что она должна ехать, что она так истощена дистрофией, что не уцелеет. Мама упиралась, но он сумел её уговорить. Я совсем не понимала, что наша эвакуация неизбежна. Мама и бабушка Оля собрали вещи, которые мы должны взять с собой. Бабушка Оля и я идём в жилконтору (это в нашем доме), в домовую книгу отмечают, что я и мама эвакуируемся, мы уже не прописаны в квартире, мы должны уехать, карточки нам не дадут. Катя больна, она очень тяжело болела после нашего отъезда. Тётя Оля на заводе, Шурёнок на заводе. Мы уходим из дома. Слёзы стоят в глазах. Меня на площадке чёрной лестницы целует бабушка Маня, говорит, что она очень старенькая (80 лет), что она меня больше не увидит. Тётя Катя встала, держась за стены, смогла дойти до двери в кухню, она прощается с нами, держась за ручку двери. До поезда нас провожает бабушка Оля. Вещи везём на саночках. Санки надо вернуть домой, они необходимы в повседневном быту блокады, на них возят дрова, воду, погибших от обстрелов, бомбёжек, голода.

Дорога на Финляндский вокзал. Ладога. Кабона

Идти до Финляндского вокзала было трудно. Вышли — было светло, даже солнце выглянуло между облаков, когда проходили мимо больницы им. Эрисмана. Идём по Большому пр., по ул. Льва Толстого, на улицах пусто, нет прохожих. Около ворот в Мединститут нет птиц. В городе нет гужевого транспорта, не просыпается на дорогу овёс, которым до блокады кормили лошадей. Я тогда про себя повторяла наставление бабушки Мани: «Береги маму, не разлучайся с ней и помни наш адрес: г. Ленинград, Бармалеева 5 квартира 39.» Этот адрес надо помнить скороговоркой! Это нить Ариадны, она должна спасти и сохранить, вернуть всё. В 2021 году я могу писать о чувствах, которые охватили меня: ужас, отчаянье от разлуки с родными, с местом обитания, а потеряться нельзя, если в памяти есть адрес скороговоркой. Нельзя потеряться даже в Большом Космосе, если есть во Вселенной эта планета, эта Земля, а на Земле любимый родной город. Только в этом городе есть ул. Бармалеева, только там такая улица, второй такой нет, не может быть нигде, только в этом городе, на этой улице есть этот дом, а кв. 39 забыть невозможно. Так учила бабушка Маня в Ленинграде, так в Пятигорске учила мама. Нельзя потеряться, если помнишь имя своё, а на Земле есть Бармалеева 5 квартира

Тётя Катя — Екатерина
Юстусовна Виссель
и баба Маня — Мария
Константиновна Пронашко

39, где наш Дом. Там остались наши родные, туда мы обязательно вернёмся! Теперь мы беженцы, а мы не бежали, нас отправили в эвакуацию. Дошли до вокзала, стало смеркаться, нашли поезд, вагон, затащили вещи в вагон. Бабушка ушла, надо было до темноты вернуться с саночками домой. Я вспоминаю теперь, что было моей бабушке 70 лет, было холодно, и она была голодна.

Дома её ждали: старшая сестра бабушка Маня, две старшие дочери Катя и Оля, иногда приходила Шура. В квартире 44 жила ещё одна сестра бабушки — Наталья (тётя Таля).

Финляндский вокзал — Ладожское озеро

Плацкартный вагон был грязный. Через несколько минут на всех напали вши. Мучились 26 дней до Пятигорска. В каждой петельке шерстяного носка был «враг». Я плакала. «Зачем ты меня от бабушек увезла!» Чувствовала, что ждут нас испытания страшнее блокады. Этот плацкартный вагон довёз нас до Ладожского озера. От толчков я много раз просыпалась ночью. Каждый раз я видела церковь с колоннадой вокруг купола; то нас везли в одну сторону, то в другую. Церковь в Мурино знакома мне с той ночи. Через Ладогу нас везли в автобусе. Таких автобусов теперь нет. Я стояла у кабины водителя. В руках у меня была «авоська» с куклой (целлулоидным пупсом), пупс мне не был нужен, но мне его вручили взрослые, которые всегда считают, что девочке нужна кукла. Голова куклы была раздавлена тягой двери автобуса. В Кабоне я выбросила искалеченную «жертву войны». Когда автобус шёл по льду Ладожского озера, выглянуло солнце, на горизонте была видна тёмная полоска. Водитель спокойно сказал, что там немцы. Все в автобусе выдохнули «О-о-о!». Водитель объяснил, что обстрела не будет, сейчас у них обед. Местами во льду были круглые отверстия от снарядов, выступала вода.

В Кабоне выдали обильный обед. Поесть мы не успели. У немцев обед закончился, начался сильный обстрел. Чемодан, на котором стоял обед, опрокинуло взрывной волной. Мы схватили хлеб,

шоколад, побежали прятаться, но спрятаться можно было только в кустах. Осколки до нас не долетели. Обед пропал. Это хорошо. Нельзя есть много сразу после голода. Нас старались накормить, а сдержаться голодным блокадникам было трудно.

В Кабоне мы погрузились в грузовые вагоны-теплушки. На железной дороге поездов не было, а были только эшелоны с номерами, это теплушки, платформы, цистерны, изредка пассажирские вагоны — штабные и для раненых. Если не изменяет память, то номер нашего 196. Это надо помнить, если «отстал». На Финляндском вокзале «исчезли» вещи Ольги Николаевны Густавсон. Сама вещи оставила и ушла или украли. Осталась в чём была. На одной из остановок эшелона она не смогла найти наш состав — «отстала». Догнала она наш 196-й состав потом. О. Н. была подавлена гибелью от голода мужа и дочери 16 лет. Мама постаралась найти среди своих вещей пригодное для О. Н., которая много выше. На больших станциях десятки железнодорожных путей, а нужно получить продовольствие, кипяток, топливо для печки (уголь). Я редко была на земле, я маленькая, мне самой трудно вскарабкаться в вагон. Месяц в дороге надо забыть, вычеркнуть из памяти. Война, блокада — страх, голод, но мне было труднее перенести существование (жизнью не назовёшь) в спасительном грузовом вагоне, в теплушке. Мама об эшелоне старалась не вспоминать, никогда об этом не говорила. Сотрудникам и студентам Планового института был придан руководитель — он ВЛАСТЬ. Дверь вагона откатывается, справа и слева нары, две полки внизу, две верхние. Печка в центре. Ослабевшие на нижних, кто посильнее на верхних. Мне удалось устроиться у окна на верхней полке, дуло из щелей, на окошке иней, но можно смотреть в окно. Преподаватели и студенты ютились по восемь человек на полке. Наш руководитель с супругой занял целую верхнюю полку. За 26 дней никто не видел его супругу внизу. Она дама полная, белокожая, с розовыми щеками. Наш руководитель лихо спрыгивал с верхней полки и ловко запрыгивал наверх. Они сильно отличались от нас, от обычных блокадников. Эту даму нельзя было выпускать из вагона на остановках. Однажды его попросили дать воды для приёма лекарства старушке 80 лет. Воды он не дал, сказав, что его чайник пуст. На стоянке он вылил воду из чайника и бегом за свежим кипятком. Это происходило из-за того, что директор института, ведущие профессора были эвакуированы как сотрудники Университета. Власть попала в руки одного человека. Только у него связь с Москвой, с Ленинградом. На очень большой стоянке в Сталинграде мы с мамой пошли осматривать город. Это ещё

был тыл. Дома не знали разрушительных бомбёжек и обстрелов. Ещё не начались ожесточённые бои за каждый дом, каждый метр правого берега Волги. Но это не мой город! Нет, я хочу домой! Там холод, голод, обстрелы, бомбёжки, но я хочу домой! *На севере мой дом*, а эшелон идёт на Юг. Однажды при сильном толчке я слетела с верхней полки: сидела на краю, собиралась слезть, удачно приземлилась мимо круглой печки «буржуйки», но теперь нас переселили вниз. Становилось теплее, дверь откатывали чаще. Можно было видеть бескрайние поля.

Пятигорск (с апреля 1942 г. до 8 августа 1942 г.)

После 25 дней дороги эшелон добрался до Пятигорска. Была уже середина апреля. Одеты мы в зимнюю одежду, а попали в тепло, нас ослепило весеннее южное солнце. Прямо из «теплушки» — так назывался наш грузовой вагон — нас направили со всеми вещами в санпропускник. Всю дорогу нас мучили вши, нам действительно была нужна санобработка. Все чемоданы, мешки, всё, что с себя сняли, отправилось на дезинфекцию, а нам выдали мочалки из лыка и специальное мыло для головы. Мылись горячей водой, соскребали с себя блокадную и дорожную грязь. Вши были уничтожены. Пока мы мылись, все вещи прошли дезинфекцию. Всё, что с себя сняли, нам возвратили с сильным запахом санобработки, одежда была горячая? чистая и сухая, а запах быстро исчез. В городе почти постоянно пахло сероводородом; из-под земли, из-под каменных ступенек бежали ручейки минеральной воды, вырывался сильный запах сероводорода. Пятигорск был заполнен эвакуированными ленинградскими вузами. Первый медицинский, Горный, Киноинженеров, Плановый, где мама работала. Найти жильё было трудно. Временно нас поселили в школе. Там жили два месяца. По талонам обедали в столовой при вокзале, ждали с нетерпением и тревогой писем из Ленинграда в почтовом отделении при вокзале или на главпочтамте. Газеты читали в библиотеке. Адреса тёти Лены, эвакуированной в начале марта, мы не знали очень долго. Мама никак не могла поправиться после голода блокады и тяжёлой дороги — она всегда бралась за самую тяжёлую работу (дрова, вода, ночные очереди за хлебом, продуктами, скалывание нечистот во дворе), а я поправилась быстро. Нашла детскую поликлинику, где очень пожилой профессор (дерматолог) хотел мне помочь. После блокады надо было залечить трещины между пальцами на ногах и на пятках, сухую кожу на ногах. Минеральные ванны быстро помогли. Доктор знал, что врождённое нарушение обмена веществ вылечить нельзя, но по-

могает солнце, минеральные ванны, витамины. Это генное заболевание — ихтиоз тогда считали болезнью кожи. С доктором я подружилась, ходила к нему на приём охотно. Мама выздоравливала. Фурункулы у неё заживали, оставляя на руках белые пятна.

Пятигорск жил мирной жизнью, много красивых клумб, но особенно удивлял базар. Денег у нас не было, маминой зарплаты хватало на оплату обедов по талонам. Приходилось просить о помощи родных в блокадном Ленинграде. От тётки Кати приходили переводы. Пришлось напомнить о моём существовании моему отцу, который жил и работал в Батуми. На почте мама встретила Г.М. Данилову (соавтор тётки Кати), которая была эвакуирована с Педагогическим институтом в Кисловодск. Галина Михайловна утешала маму, дала ей денег. В Кисловодск приезжал муж Галины Михайловны — ответственный работник почты. Он приехал с ужасным известием — их сын Костя был призван в армию, ехал в поезде на учёбу, но умер в дороге от пневмонии.

В июне школу стали освобождать от эвакуированных, готовить классы к учебному году. Жизнь в школе закончилась. Нам досталась проходная веранда. Даже летом жить там было невозможно. Доски пола разошлись, между ними щели, из которых сильно дуло. Остекление было, но между стёклами и рамой щели. Спать на полу, постелив зимние пальто, было жёстко и холодно. Я ещё плохо знала город, когда заболела мама. У неё высокая температура. Я должна была ходить по незнакомому городу по поручениям мамы. Ходила по мосту через речку (Подкумок) на вокзал в столовую, получала обед и несла маме. Раздобыть солому для матраса я не умела. Целыми днями я ходила по поручениям мамы, было одиноко и страшно. Когда мама поправилась, ей очень захотелось молока. Пошли на рынок, купили, а посуда была совсем непригодная — тазик с пологими краями. Дорогое молоко расплёскивалось. Боясь бруцеллёза, мама всё кипятила. Мне отпить не дала, отпила сама. Сырое молоко позволило ей поправиться после голода. Оставаться на веранде на зиму нельзя, мама ищет комнату, но всё очень дорого. Наконец, нашла на Госпитальной улице в доме 8. На современном плане Пятигорска я не нашла Госпитальную улицу. Есть Госпитальный переулок, но его направление не соответствует прежней Госпитальной, которая опоясывала подошву горы Машук. На одной стороне улицы были жилые дома, а на другой стороне, за колючей проволокой, были вырыты окопы, за ними казармы. Так я определила однообразные сооружения. Дальше начинался подъём в гору. Дом 8 в два этажа, хозяйка сдала нам лет-

нюю кухню на втором этаже. Стены кирпичные, но плитой давно не пользовались, дымоход завален мусором. Электричество есть, но пока мы перетаскивали вещи, лампочку выкрутили. На второй этаж поднимаемся по наружной каменной лестнице. Перед окном летней кухни площадка-переход от лестницы к двери террасы, куда выходила дверь нашего жилища, и ещё двери двух квартир. Одну занимала хозяйка, которая сдала нам комнату, а другую мать с сыном лет четырнадцати. Муж её был в Красной Армии, говорили — командир, а мальчик был пропитан антисемитизмом. Он организовывал детей бросать в меня камни и землю. Туалет (выгребная яма) был в сарае во дворе. Если он видел, что я там, то закрывал дверь сарая снаружи на деревянную завёртку. Когда взрослых не было, он орал: «Твоё место там, жидовка!». Я не могла понять его бредовых выдуманий. Ничего плохого ему я не сделала, и еврейской я не была. Эти крики и опасность долго просидеть в вонючем сарае пугали меня. Маме я не жаловалась. Мама только один раз видела, как в меня бросают камни и землю, а о том, что я часто была заперта в туалете, она не знала. Все, кто шёл к нам или в эти две квартиры, проходили мимо окна летней кухни. В кухне перед окном стоял небольшой столик, стул, была металлическая кровать без матраса. На плите лежало наше немудрёное кухонное хозяйство. Для чтения мне была дана красивая книга с крупными цветными картинками — К.И. Чуковский детям. Мама уходила на базар, надеясь продать туфли, но 35-й размер никому не был нужен. Столик у окна был в моём распоряжении. В хорошую погоду далеко-далеко был виден снежный двугорбый Эльбрус. Это очень красиво. В блюдечко мама наливала вкусное подсолнечное масло, я макала хлебную корочку, это лекарство для сухой кожи. Я читала, вырезала из газетной бумаги хороводы кукол. На базар я любила ходить, там мы познакомились с местными жительницами — сёстрами Екатериной Григорьевной и Людмилой Григорьевной, они спасли нас, но об этом позже.

Дорога к центру города шла вниз через двор, затем тропинка через кукурузное поле. Так я попадала в город. Мимо отеля «Эрмитаж», вниз к рыночной площади. Мы ходили на пологую часть горы за хворостом, нам нужно было кипятить воду, готовить на кирпичках во дворе. Хозяйка боялась заразы, а у мамы белые пятна — следы фурункулов. Она не давала нам таз, керосинку. Стирали под краном во дворе. Маме приходилось покупать самое дешёвое пшено, оно очень грязное. Моя обязанность — отмыть крупу до золотистого цвета. Вода из крана во дворе ледяная ле-

Мама с Ольгой
Николаевной
Густавсон. 1950 г.,
Ленинград

том и зимой. Руки мёрзнут, отогреваю под мышками, снова мою, из серо-зелёной массы появляется крупа жёлтого цвета.

Мы были на замечательном курорте. Красота этих мест и достопримечательности меня не радовали. Из Грузии в Кисловодск в госпиталь к раненому сыну (внуку) приехали родные, они привезли письмо от моего отца. Город Батуми в пограничной зоне, а так как мама развелась, имела другую фамилию, то отец не мог оформить пропуск для мамы в погранзону. Старики, приехавшие из Грузии, могли отвезти меня одну без мамы к отцу. Оставить маму одну я не могла, ведь она боролась с трудностями, пока я была рядом. Я хорошо помнила наказ бабушек Оли и Мани: «БЕРЕГИ МАМУ, НЕ БРОСАЙ МАМУ!». Я твёрдо сказала: «НЕТ, К ОТЦУ НЕ ПОЕДУ!». Запомнилась фамилия этой семьи — Тавертакиладзе. Старик немного говорил по-русски, а старушка знала только родной грузинский.

На эту встречу со мной ездила О.Н. Густавсон, мама не поехала. Тётя Катя писала (очень эмоционально) из Ленинграда тёте Лене, которая была в эвакуации и работала в Куйбышевской области, что она довольна моим решением, моей убеждённостью, что маму нельзя оставлять одну.

Когда наступили холода, выпал снег, где была вода на тротуарах — лёд, с тополей падают веточки, покрытые толстым слоем льда. Готовить на дворе стало невозможно, приходилось покупать кукурузные лепёшки на рынке. Холодную трудно разжевать и проглотить, приходилось тереть лепёшку долькой чеснока. А на базаре было всё. С возов продавали муку, хозяйки объясняли, как выбирать муку. Мука отличалась помолом, клейкостью. На прилавках из грубых досок стояли банки, кувшины, графины, вёдра с растительным (подсолнечным) маслом. На солнце это было очень красиво. Цвет масла зависит от степени обжарки семян подсолнечника, а над этим богатством аромат, который я помню сейчас, через 78 лет (сегодня 19 августа 2020 года). Всё дорого. Покупали самое дешёвое. Было трудно первые месяцы в Пятигорске, но совсем плохо стало, когда Пятигорск заняли враги.

Продолжение следует

Санкт-Петербург